

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ КРАЕВЕДЕНИИ

В центре внимания предлагаемого выпуска тема «Молодежные инициативы в современном краеведении». Публикации специальной рубрики обобщают опыт просветительского проекта «Сохраняя память поколений: развитие молодежного краеведения на Юге России», реализованного в конце 2018-2019 гг. в рамках гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18-2-009109, предоставленного Фондом президентских грантов. Журнал «Наследие веков» выступает информационным партнером этого проекта.

Вовлеченность молодежи в сферу охраны и трансляции культурного наследия является одним из приоритетов государственной молодежной политики, неотъемлемой составляющей воспитания гражданственности, формирования культурной идентичности и, одновременно, фактором продвижения отечественных туристических ресурсов. Объявление прошлого, 2018 г. в России годом добровольца (волонтера) означает реальную заинтересованность государства в диалоге с волонтерскими инициативными группами, готовность к их всесторонней поддержке. В статье 5 Федерального закона о добровольчестве (волонтерстве) среди основных видов добровольческой (волонтерской) деятельности фигурирует «сохранение культурного наследия и историко-культурной среды, памятников истории и культуры».

Сегодня очевидна необходимость привлекать к охране и популяризации культурного наследия креативно мыслящую молодежь, поднимать престиж волонтерской деятельности. Молодежные краеведческие организации могут рассматриваться как институты актуализации ценностного потенциала материальной и духовной культуры регионов России.

В российских регионах, в том числе на Юге России, накоплен значительный опыт в сфере молодежного краеведения. Появляются волонтерские образовательные центры при высших и средних учебных заведениях. Постепенно налаживаются партнерские отношения волонтеров с музеями, библиотеками, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, бизнес-структурами, прежде всего, учреждениями, ориентированными на развитие внутреннего туризма. Заявляют о себе региональные отделения Всероссийского молодежного волонтерского проекта «Культурный патруль».

Важными представляются поддержка перспективных волонтерских проектов по охране и популяризации культурного наследия на государственном уровне, освещение деятельности волонтеров на официальных сайтах Министерства культуры Российской Федерации, региональных министерств и ведомств, центральных и региональных телеканалов, оказание методической, информационной, имущественной и иной помощи, дальнейшая разработка научных оснований темы.

**Редактор специальной рубрики
Анна Еремеева**

СКОПИНЦЕВА Татьяна Юрьевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
культурологии и социологии
Оренбургского государственного университета,
Оренбург, Российская Федерация
Tatyana Yu. SKOPINTSEVA
Cand. Sci. (Social Philosophy), Assoc. Prof.,
Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology,
Orenburg State University,
Orenburg, Russian Federation
skopintseva.t@mail.ru

УДК 719(470-43)+[35.082.22-053.81]
ГРНТИ 13.61.11
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001

Культурное наследие регионов Юга России и проблемы формирования гражданской культуры молодежи

The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People

В статье дан культурологический анализ состояния системы формирования гражданской позиции молодежи в постсоветский период. Автор рассматривает работу по воспитанию гражданской культуры и гражданской позиции молодежи как важный компонент обыденных практик, складывающихся вне официальных, формализованных государственных структур. Гражданская субкультура оформляется на протяжении жизни человека. Система взаимодействия гражданина и государства рождалась в нашей стране в условиях западно-восточного культурного пограничья. Этот фактор послужил выработке самобытного культурного типа человека, который был воспринят народами, вошедшими в поле российской культуры. В условиях постоянной готовности к защите складывались цели и принципы жизни, направленные не на достижение устойчивого благополучия, прибыли, построения дома-крепости, что свойственно культуре западного типа, а на сохранение духовных оснований. Их содержание оформлялось в суперсмыслах, выраженных в таких метафорах, как «Мать Сырая Земля», «Святая Русь» или «Русский Мир». В советской России эти принципы раскрылись в деятельности культурчреждений, где традиционное основание дополнялось идеологией советского государства. В девяностые годы прошлого века система формирования гражданской культуры, выработанная в советский период, была подвергнута разрушению. Были уничтожены практически все культурные учреждения советского типа, а оставшиеся – коммерциализированы. Подготовленные в вузах культуры специалисты культпросветработы переориентировались на коммерческую деятельность. Сегодня цифры отчетов министерств и ведомств культуры и образовательных систем демонстрируют рост участников творческих коллективов и объединений, но в них не отражена социокультурная

природа статистики – постоянство и непрерывность занятий в свободных, общедоступных творческих кружках и объединениях подменены разовыми и точечными посещениями коммерческих форм. Эксклюзивность отдельных объединений и коллективов, работающих на основе народной традиции и сохраненной в её недрах гражданственности, не соотносима с системой воспитания гражданственности советского типа. Можно сделать вывод, что идеи и принципы организации гражданского воспитания молодежи сегодня находятся в стадии формирования, и это требует внимания государства и серьезной работы специалистов по сохранению традиционной основы народной культуры русского типа (основы российской государственной культуры).

Ключевые слова: русская народная культура, российская культура, гражданская культура, повседневная культура, народная традиция, формы и принципы охраны культуры, специфика культуры русского и российского типа, культура советского типа, культурное наследие.

Оренбуржье — пограничье России, *ворота* в Азию. Все оренбургские поселения характеризуют поликонфессиональность и разнообразные варианты соединения этнических культур народов России и *массива* субкультур русского типа (носителями которых являются переселенцы из разных русских регионов России). Для исследования культуры региона можно применить рациональные инструменты социологического, политологического, историко-культурного анализа или способ, погружающий в толщу бытия и использующий инструменты художника, способного выделить и описать проблему, опираясь на живое чувство, раскрывающее отношение к своей или иной культуре. Исследователи повседневной культуры отмечают, что не принятая на этом, субъективном, духовно-практическом уровне новая культурная форма утрачивает жизнеспособность и не сохраняется в истории культуры народа. Красочность описания феномена бытия входит в арсенал средств, используемых художником, историком культуры, организатором и постановщиком культмассового мероприятия. Без использования художественного описания предмета не обходится педагог и воспитатель. Художественная форма как основание анализа бытия обнаруживает нерациональность реакций, поступков и оценок индивида и социокультурной системы в целом. На этом уровне вскрываются глубинные (насыщенные архаикой) механизмы

культуры, сохраненные в менталитете, картине мира, и типичные (по обычаю) образцы традиционного поведения. При таком подходе предметом наблюдения и изучения становятся повседневные практики, «теплая человеческая возня», бытовой контекст высоких смыслов. На этом глубинном срезе культуры, вдали от речей политиков, сохраняется самобытность, наследуется этническая специфика, соединенная с природностью, и формируются идеальные типы взаимодействия человека с государством. В повседневных пластах бытия зарождается гражданская культура, выходящая на поверхность и заявляющая о себе во весь голос на *сломах* больших социокультурных систем. Архитектоника России выстраивалась на основе кумуляции и симбиоза — самых древних коммуникативных механизмов, сложившихся в истории культуры. Они позволяют непротиворечиво соединить народы, исторически вошедшие в ареал российской культуры. На этой основе сложилось ядро культуры московского, а затем русского, имперского типа, которая послужила формированию базовых механизмов культуры советской и постсоветской России. Эти культурные инструменты функционируют на российской почве, позволяя народам сохранить собственную этническую и культурную специфику. Этническая форма обращена в глубины истории и сохраняется в национальной российской культуре. Она является базой для оформления последующих культурных форм

в истории каждого народа. Этничность влияет на формирование гражданской культуры, которая является важным элементом, обеспечивающим целостность и устойчивость государства. Как особая категория гражданская культура стала предметом изучения лишь в последние десятилетия прошлого века. Однако «дух гражданственности», духовная близость представителей «своего мира» к жизни больших (государственных) форм целостной социокультурной организации, ощущение причастности к мировым событиям и роли собственной активности, особенно в периоды нестабильности и войн, характеризуют *социальное тело* России на протяжении всей её истории. Базовая часть социальной структуры до второй половины двадцатого столетия — русское крестьянство (на начало XX в. оно составляло более восьмидесяти процентов от общего числа населения). Современность сохраняет элементы крестьянской культуры и в городской, и в сельской культуре русского и российского типа. Корни русской крестьянской культуры складывались на обширных лесостепных территориях при отсутствии на большей части страны дорог и укрепленных городов. Это способствовало оформлению особых (русского типа) культурных механизмов. В них исторически соединились элементы земледельческой и кочевой культурных форм, сложилось особое восприятие дороги и пространства, сформировалась готовность к переменам, выработалось стремление к минимизации роли материальных благ. На пространствах российской культуры, при большой протяженности границ, открытых для внешнего вторжения, крестьянин-кочевник (по определению Г. Вернадского) во времена войн становился бойцом, защищающим и себя и государство, а после победы над врагом — земледельцем. Сформированный на уровне постоянного противодействия внешней угрозе и мобилизации всех своих сил для выживания русский крестьянский тип выработал особый механизм адаптации к угрозе нападения, к рискованным формам земледельческой культуры в условиях лесостепи и к сложностям жизни в этнокультурном пограничье. Ему был неведом психологический срыв, подобный вьетнамскому или афган-

скому синдрому. Гармонизация его душевного состояния и адаптация к мирной жизни обеспечивалась русской традиционной обрядовой культурой. На этой основе в культуре российского типа сложилось и закрепилось особое мобилизационное поведение, так как война в истории русского и российского государства в каждом столетии занимала более половины исторического времени и органично входила в жизнь и память каждого поколения. Это формировало особую ментальность, способы хозяйствования на земле, механизмы взаимодействия в семье и за её пределами, специфику взаимодействия с другими народами и типичные реакции на любые действия со стороны государства. На основе *маргинализованных* форм культуры русского крестьянства и представителей восточных культур в пограничье России родилась культура русского казачества. В ней соединились и крестьянская природа верности своей земле, своей стране, и креативное начало культуры восточных народов. Казачья культура России отличается способностью отстаивать собственную самостоятельность, сохранять достоинство воина и хозяина на земле. Совмещение несовместимых характеристик, служба государству, свобода мысли и поведения послужили формированию внутренней готовности к действию, особой сосредоточенности воина и крестьянина одновременно¹.

Российские философы отметили в своих работах женскую природу русской и российской культуры, но не обратили внимания на её мощную мужскую основу. Внутренняя сила проявлялась в техниках русского противостояния обстоятельствам или врагу во взаимодействии с представителями других конфессий (ставших частью российской культуры), а также в отношении к народам и культурам соседних государств. В случае необходимости защитить свою землю деревенские жители оставляли крестьянскую работу и принимали удар на себя. В отличие от казака, они не клялись в верности своей общине, стра-

¹ Собиравший оренбургский казачий фольклор балетмейстер Оренбургского русского народного хора А. Копылов так характеризовал мощь и внутреннее напряжение, дух оренбургского казака: «Оренбургский казак злой. Он кипящий самовар на лоб ставит и пляшет!»

не и царю, не принимали участие в обрядах, демонстрирующих преданность, не подписывали документов, обязывающих сражаться. Защита себя и своей семьи становилась частью их сущности и рождала особое чувство жизни и смерти, где смерть являлась вторым полюсом бытия, а ощущение бренности человека, случайности его рождения обеспечивало определенную легкость ухода в мир предков. Эта простота перехода от жизни к смерти принималась и обывателем, и лучшими представителями элиты. Об этом свидетельствуют русские пословицы и поговорки о жизни и смерти («Смерть солдату брат»; «Умер Адам, быть и нам там»; «Дом строй, а гроб ладь»; «На миру и смерть красна» и т.п.). В гениальном пушкинском тексте «Капитанской дочки» при легкости получения высокого военного чина обязательной для Петруши Гринева стала военная служба с её ощущением бренности и смерти. Близость к смерти для русского человека обнажает лучшее и худшее в себе и других: и в XXI в. надежность друга, соседа, оценивается возможностью «вместе пойти в разведку». Итог жизни в русской традиции — демонстрация своих духовных приобретений, наград и наказаний — перед людьми и перед Богом. Военная награда — знак службы государю и государству, которую казак не скрывал. В течение пяти лет Оренбургский губернаторский краеведческий музей под руководством И. И. Шангиной (Российский этнографический музей) проводил исследовательскую работу в казачьих селах области. В исследовании выявлена главная характеристика оренбургского казака, отмеченная всеми рассказчиками, — служение России. Культура казачества могла *перешагивать* через этничность. Это отметил один из рассказчиков: «Я татарин, но русский казак!»

Знак казачьей награды «тихо» свидетельствовал о подвигах (хвалиться подвигом не полагалось). Медали и грамоты украшали красный угол дома, символизируя связь оренбургского казака с государством. Как и в казачьей культуре, в русской крестьянской культуре хвастать подвигом было недостойно. В крестьянском обычае и в городской культуре, построенной на его основе, награ-

ды хранились в спрятанной далеко коробочке, в сундуке, и ими играли дети. Переводить священность правильного поведения в правильных обстоятельствах, военный или бытовой подвиг (реалии высокого отношения к жизни) в знаки (в медаль, орден, или иную награду) и демонстрировать их и в русской крестьянской культуре, и в высокой культуре русского дворянства (не чуждой крестьянской основы) было не принято [3, с. 11–31]. Этот принцип традиционного поведения отражен в народной праздничной культуре, в деревенском розыгрыше русской народной драмы «Царь Максимьян». В крестьянском варианте этого розыгрыша все персонажи-воины (Аника-Воин, Лыцарь и др.) и гротескны, и комичны (казачий вариант в сборнике А. И. Мякутина [4, с. 258–304] имеет другую тональность). Для того чтобы подготовиться к святочному или масленичному представлению, по всей деревне собирали медали, настоящие солдатские награды, которыми увешивали героя народной драмы с ног до головы. По принятому в смеховой культуре обычаю (в форме карнавальской практики «телесного низа»), в русской деревне медалями густо украшались штаны и спина персонажа, а их наибольшее количество предполагалось расположить на тех местах, которые могли вызвать наибольший хохот зрителей. Смехом крестьянин преодолевал страх перед войной и смертью и *снижал* высокий *тонус* подвига до уровня обыденности. Боец перед врагом, при наступлении мира он *превращался* в земледельца, обывателя и продолжал крестьянствовать на своей, *Божьей*, земле. Такая социальная трансформация — норма в русской народной культуре. Позитив *сниженного* отношения к собственной жизни — реализацию ветхозаветного принципа «человек есть ложь» — мы видим в сохраненной до нашего времени готовности умереть, в способности при необходимости защиты своей семьи и своей страны «с открытой грудью» идти на смерть. Негативное качество, рожденное на основе презрения к смерти, проявилось в минимизации цены человеческой жизни (и во время войны, и в периоды мира); в упрощении отношения к бытовому обустройству, удобствам и комфорту. На подобных основа-

ниях строится политическая и экономическая культура современной России (интегративная, целостная, вобравшая и высокие, декларируемые государством, и сниженные, обыденные, повседневные, ценности и смыслы). Это отношение проявляется и в современной форме организации быта, и в современном героизме россиян.

Гражданская культура предполагает самую широкую лояльность к своей стране. Она складывается на основе свободной, творческой деятельности, направленной на защиту и процветание своего государства и, шире, своего мира, а также на уважении к собственной истории и традициям. Современная гражданская культура формируется на протяжении всей жизни человека, являясь частью его инкультурации. Ценности гражданской культуры, наряду с их декларацией в политических, экономических, образовательных программах и проектах, рождаются в системе обыденных практик, на уровне свободного восприятия традиционных идеалов, закрепленных на недоступном для официальной коррекции глубинном уровне культуры. В период трансформаций обращение к ценностям — это выявление в новых формах культуры атрибутов, идей, знаков и принципов, обращающих человека к вечности. Крушение культурной формы — это утрата традиций, отсутствие знания и понимания своей культурной специфики. Становление гражданина, с одной стороны, есть высокая идеология, с другой — духовное содержание обыденных практик. Базовая часть гражданской культуры складывается в неформальном, свободном общении с ровесниками, родителями, учителями. Всплеск лучших образцов гражданской культуры и гражданского поведения происходит в периоды разрушения системы или её активного противостояния внешней или внутренней угрозе. Актуализация традиционных ценностей и опора на народную культуру на протяжении всей российской истории работает на стабилизацию и сохранение системы. Идеи, вокруг которых объединяются граждане (и возникает гражданская культура), рождаются в органике социокультурных потрясений или воспитываются на основе ценностей культуры обращающих челове-

ка к традициям предков, их гордости, справедливости, доблести, вечным (сакральным) смыслом бытия. Потрясением, вызвавшим всплеск гражданских чувств, могут стать внутренние или внешние силовые действия государства. В России после трагического периода разрушения культуры в 80–90-х гг. прошлого века системная работа по формированию гражданской позиции молодежи была сведена на нет. В этот период к системе декларирования ценностей европейского типа, исповедуемых российской элитой, бессистемно добавлялись самые разнообразные элементы из эклектичного репертуара модераторов — *прорабов Перестройки*. При этом всегда отсутствовал серьезный анализ состояния культуры и в России, и в регионах, а формы и способы внедрения новаций и их адаптация к повседневным практикам не получали экспертной оценки и широкого общественного обсуждения. Подобное отношение к традиции и новациям сохранено в постсоветской России. Не дается должная оценка ключевым ценностям русского типа, с которыми взаимодействовали новшества. При том что семьдесят процентов населения Оренбургской области составляют русские, за последние два десятилетия не было ни одной большой конференции по проблемам русской культуры и ни одного большого областного праздника русской культуры, тогда как большие мероприятия, посвященные культурам разных народов России, имели место. Отсутствие анализа и действия модераторов, не учитывающие традиционные социокультурные механизмы, способствовали пробуждению глубинных традиционных инструментов, ядерных элементов культуры. На этой основе произошла мобилизация традиционных оснований, активизация самостоятельности и гражданского творчества, социальная консолидация и духовное единение вокруг традиционных, имеющих сакральную природу смыслов. Это сакральное начало традиции почувствовали все народы России. Коммуникативным культурным инструментом первых десятилетий XXI в. стала метафора «Русский Мир». Как ранее народ объединяли суперсмыслы «Святой Руси», «Матери Сырой Земли», «Родины-Матери», этот но-

вый культурный механизм объединил народы Крыма и сделал их гражданами России. При этом элита и официально оформленные социокультурные институции России проглядели (или стыдливо не заметили) зародившиеся на уровне повседневности и объединившие Россию традиционные суперсмыслы (которые в периоды кризисов не раз проявляли себя в истории российской культуры). Отношение элиты к традиционной основе государства почувствовал не только обыватель, житель российского провинциального города или села, — его почувствовали и соседние народы. Это стало одним из элементов, послуживших усилению негатива в отношении народа России к российской элите, а соседних государств — к России и всему «русскому». Сегодня также можно отметить отсутствие в современной российской науке серьезного анализа процессов и механизмов, объединяющих Россию, и должной разработки «русской темы».

Негативным фактором, оказывающим существенное влияние на формирование гражданской культуры России, становится разрушение традиционных *гнезд* русской культуры и *умирание* сел с русским населением, представляющим субкультуры русского этноса. Оренбургский регион — Россия в миниатюре, в которой каждая российская губерния была представлена богатым этнокультурным материалом. Особое место в репрезентации русской культуры Оренбуржья занимали переселенцы южных губерний. Культура тамбовских переселенцев исторически была широко представлена в целом ряде сел. Села Андреевка и Покровка Абдулинского района Оренбургской области долгое время сохраняли традиционную культуру, привезенную первопоселенцами. В 1987 г. в Покровке экспедицией Московской консерватории был записан большой фольклорно-этнографический материал, а уникальный этнографический коллектив села выезжал с концертом в Москву. В экспедиции 2019 г. из старого состава исполнительниц традиционного фольклора мы застали одну, самую *молодую* — семидесятилетнюю — участницу, которая не смогла показать нам ничего из бывшего репертуара. Уникальный традиционный

материал был полностью утрачен, никакая работа по его сохранению не проводилась и не проводится, и нет никакой возможности на уровне частной инициативы ее организовать. Утраты бесценного традиционного материала мы увидели, посетив село Андреевка, в котором в экспедиции 2016 года встретили прекрасную группу исполнительниц традиционного фольклора. Зимой 2019 года мы застали в «умирающей» Андреевке опять-таки лишь одну исполнительницу — старикам зимой в «угасающем» селе не выжить. Во время всех последних экспедиций в русские села Оренбургской области мы не смогли увидеть на улицах детей и молодежи. Уникальные сборники с аутентичным материалом [5] не находят возможности для широкой пропаганды своего содержания.

Процесс разрушения традиционных гнезд русской культуры сопровождается уходом из повседневного обихода русского языка (как языка межкультурного общения). Если в экспедициях в мордовские села Оренбуржья в 2000–2011 гг. можно было записать уникальный материал на прекрасном русском языке, сохраненный старшим поколением, то в феврале 2018 г. мы не смогли найти таких исполнительниц. В экспедиции в село Нижний Сурмет Абдулинского района Оренбургской области (где коренное население — эрзяне) только две самые старшие женщины могли показать хороший традиционный русский материал. Молодые женщины не только не сохранили бесценный багаж старшего поколения, но и в разговоре постоянно переходили на эрзянский язык. Для молодежи это типичное явление. Наблюдение за городскими и областными массовыми праздниками, на которые приезжают представители сел Оренбуржья, позволяет отметить общее снижение уровня исполнения и забвение традиционных форм культуры у всех народов Оренбургского региона. Это демонстрируется оскудением репертуара, упрощением характера и содержания привезенных на городские и областные праздники песен, танцев, обрядов. С каждым годом утраты увеличиваются. Мы наблюдаем, как изменяется отношение к собственной культуре, как традиционные тексты замещаются массовыми вариантами,

взятыми из Интернета. Непосредственность и искренность содержания сменяет штамп. Самодеятельность и творчество уступают место корректуре и постановке. Это разрушает традиционные основания культуры, формирующие ядерный элемент гражданской культуры молодежи.

В целостном, системном характере современной гражданской культуры мы выделили важную роль народной традиции и самодеятельного творчества. Это роль устной культуры, которая утрачивается в современной жизни. Можно предположить, что при наличии сети Интернет потребность в *живом* общении уменьшается. Мы проверили это предположение, задав соответствующие вопросы студентам Оренбургского государственного университета. В свободном опросе, проведенном в мае 2019 г. П. А. Балышевой, студенткой 2 курса этого же университета, выяснилось, что все опрошенные ею студенты зарегистрированы и общаются в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Instagram» и др.). Для них социальные сети — это система развлечений. При этом:

— об активном участии в общевузовских и городских мероприятиях и иных вариантах неформального (*живого*) общения заявила большая часть опрошенных (71,4%);

- 37,5% из них используют Интернет от случая к случаю, все остальное время приходится на прямые контакты со сверстниками;

- 12,5% опрошенных студентов находятся в сети Интернет 24 часа в сутки.

Даже результат такого поверхностного исследования говорит о запросе на живое общение, свидетельствует о необходимости поддержки сложившихся в истории практик и традиционных форм организации работы с молодежью. Такая работа должна отразиться на качестве культуры в целом и гражданской культуры в частности. Более широкий опрос мог бы показать специфику свободно общения молодежи в неформальной сфере и примеры того, что в ней работают системы, не только заинтересованные в совершенствовании ситуации, но и направленные на её дестабилизацию. Ответ студентов на вопрос: «Чем вы планируете заняться в своем профессиональном будущем?» — позволил сделать

вывод об ориентации всех опрошенных на занятость внутри социокультурной системы, прежде всего на работу в государственных структурах (социальных, воспитательных, общественных). По сути, это демонстрация традиционного основания культуры, ощущение молодежью своего «социального кокона», характеризующего общинную природу, за пределы которой студент не планирует выходить. Такой результат говорит о необходимости особого внимания к традиционным организационным формам и принципам: коллективности, общинности, особым, органичным формам взаимодействия внутри коллектива (которые сегодня принесены в жертву индивидуальности, предпринимательству, фермерству и тому подобным западным образцам). В отличие от российского обывателя, проявлять активность и инициативу, действовать индивидуально, за рамками своей социокультурной системы, протестанту, трудолику, представителю современной западной культуры позволили мощные трансформации в европейской истории X–XVII вв. В этот период произошло становление современного европейского города. Индивидуализм и активная трудовая деятельность, необходимая для собственного спасения, сформировали протестантскую этику, основу европейской и американской культуры. В современной трансформации культуры России работают иные социокультурные механизмы, на которые должны опираться российские реформаторы.

Мы отметили важность неофициального, глубинного, насыщенного традиционными элементами уровня, на котором складывается гражданская позиция молодежи. Воспитание гражданственности — это особое отношение к прошлому, к культурному наследию, к своей культурной истории. Подход к феномену культурного наследия сегодня находится в стадии оформления. При этом в современной российской культуре из работы по его сохранению практически полностью исключена устная история, тесно связанная с народной традицией и культурой повседневности. Устная история — это неповторимые интонации, важный традиционный контекст современной культуры, передающий

дух народа, который сегодня в большей мере исследуется не представителям высокой науки, а художниками, краеведами и фольклористами. В последних научных проектах и диссертационных работах категория культурного наследия тесно связывается с понятием «природное наследие», менеджментом в системе культуры, политикой в сфере наследования, характером «потребления наследия» и проблемами сохранения памятников истории и культуры. Категория «памятник истории культуры» практически во всех исследованиях предполагает «страдательную» форму взаимодействия с современной социокультурной системой. Обращение к прошлому в таком подходе — это некое пассивное сохранение того, что уже отсутствует в современности. Выше мы отметили, что значительная часть элементов прошлого, сохраненных в ментальности, отношении к миру и человеку, соответствует низовому, повседневному уровню современной культуры. Городские и сельские музеи берут на себя сохранение материальной культуры прошлого. Духовная составляющая народной культуры и варианты устной истории народа и в этом случае не задействуются или используются пассивно. Это означает, что тема культурного наследия в повседневных смыслах и формах жизни как особый ресурс развития всей социокультурной системы только начинает формироваться в российской науке. При этом традиционный материал, не охваченный вниманием официальных учреждений культуры, имеет своих исследователей-собираателей. Традиционную одежду тамбовских однодворцев более тридцати лет исследует и собирает учитель географии средней школы станции Сырт Наталья Колубаева. В 2016 г. в Оренбургском областном музее изобразительных искусств на основе её коллекции прошла выставка народной одежды «Феномен народного костюма. Одежда тамбовских переселенцев-однодворцев». Алла Владимировна Федорова, доктор исторических наук, профессор, собрала значительную коллекцию предметов истории и традиционного быта при кафедре истории Оренбургской государственной сельскохозяйственной академии. В 2018 г. показ коллекции традиционных по-

лотенец прошел в выставочном зале Оренбургского музея изобразительных искусств. Можно назвать имя знатока традиционной песни села Богородское Клавдии Андреевны Шеиной, которая в течение нескольких десятилетий сохраняла традиционные песни села в организованном ею фольклорном коллективе. Доктор искусствоведения, профессор московской консерватории Нина Михайловна Савельева более 30 лет работает с фольклором русских сел Оренбургской области. Первооткрывателем оренбургского фольклора для многих самодеятельных коллективов стала заслуженный работник культуры Российской Федерации Ольга Ивановна Рукавицына. Такая личностная инициатива — это *нити, слабо вплетенные в полотно* культуры. С уходом таких уникальных, единственных в своем роде собирателей преемственность личного типа разрывается, а собранный материал (личный, частный) исчезает. В формировании воспитательной системы необходима основательная, мощная социальная основа, государственная поддержка.

Неформальная (слабо учтенная в большой культурной политике) организация молодежи на основе традиционных и современных форм культуры в Оренбурге, как и во многих городах России, локализуется в особых социальных, виртуальных или географических пространствах. Такой территорией в городах и селах (кроме городских окраин и различных маргинальных природных и культурных площадок) исторически являлись парковые, музейные комплексы, учебные и культурные учреждения. Для музейных учреждений культурное наследие — это мир предметов, хранение, архивирование, статика экспозиций этих артефактов, а также некоторые формы их интерактивной репрезентации. Для современных парковых зон основной формой деятельности является коммерческая (привнесенная с Запада) организация отдыха и развлечений, слабо опирающаяся на свободную самодеятельность и творчество. Это противоречит существовавшей в некоммерческой, опирающейся на народную традицию советской культурной практике организации досуга и отдыха. В отличие от советской культуры, в Европе сложились собственные механизмы

работы с образцами культурного наследия. В европейской практике они связаны с послевоенным восстановлением и сохранением европейских городов, локальных, закрытых территорий, в которых все городское пространство является особым памятником культуры, имеющим тысячелетнюю историю, достаточно хорошо сохранившуюся. Российская культура в большей своей части — провинциальна, построена (в той или иной мере) на основе исторически присущей её сельской природы, проявляется в специфике малого города России. История построенных по подобному типу русских городских поселений существенно отличается по своей организации и от европейских, и от американских городов. Она и сегодня хранит традиционные механизмы. В тесноте сосуществования народов Европы города создавались как локус с крепкими границами, гармония в мире хаоса, а русский город рождался как центр мироздания, стягивающий пространство «чиста поля». В культурном пограничье русский город оформлялся как противостояние чужому, даже враждебному, окружению, которое не уничтожалось, с которым сосуществовали, взаимодействуя с ним. В крестьянском мировидении русский город окружали миры темного леса, широкой степи, чиста поля, в которых знаки и своей, и иной культур отсутствовали. В этом пространстве происходили поединки, на этих территориях разворачивался народный праздник. Русскому городскому поселению была не свойственна теснота европейского города, в котором центральная площадь была площадкой для европейского праздника. Город русского типа выстраивается вокруг центра, кремля, крепости, которая была способна защитить жителей поселения. В отличие от европейского города, он был распахнут для периферии. Подобно русскому городу, русский дом также был раскрыт для каждого, кто нуждался в укрытии.

Крепость, защита, славное прошлое города, как и сама история Оренбурга, — все это работает на сохранение народной традиции и формирование гражданской культуры. Эти элементы должны опираться на практики просвещения и образования. Молодежь должна знать свое славное прошлое и совре-

менные проблемы его сохранения. Трансляции исторических форм и практик культуры должны быть востребованы молодым поколением. История насыщена традицией. Молодежь, которая не знает традиционной культуры и через образовательные программы не может освоить её содержание и смысл, не будет требовать её сохранения. Это означает, что все новации в сфере образования и воспитания должны соразмеряться с собственной историей культуры. Особой территорией, на которой можно и сохранять, и обеспечивать трансляцию историко-культурного наследия народа, может стать система интерактивных реальных или виртуальных современных культурно-просветительских учреждений. При постоянных мощных информационных вливаниях со стороны культур западного типа, а также при непрерывной оптимизации и модернизации систем образования и культуры такая работа сегодня существенно затруднена.

В современном Оренбурге попытка сохранения, архивации и трансляции форм и принципов традиционной жизни народов Оренбуржья была заложена в проекте культурного комплекса «Национальная деревня». Это культурная площадка, на которой силами предпринимателей, имеющих интерес к созданию своих коммерческих учреждений, и инициативой этнокультурных (национальных) общественных организаций города с 2004 г. созданы десять этнокультурных подворий с домами-музеями, представляющими культуры народов Оренбуржья. Дома-музеи работают, однако документы, которые определяли бы взаимодействие общественных структур и предпринимателей на данной территории, отсутствуют. Все формы культурмассовой работы в домах-музеях осуществляются на основе способов, сложившихся в советской традиции (но уже без какой-либо государственной поддержки). Предприниматели действуют по «своему усмотрению». Отсутствие внятной культурной политики, а также какой-либо материальной поддержки на этом благодатном культурном пространстве определяет современные формы и принципы их функционирования и минимизирует воспитательный результат. Музеи

созданы на народной основе, их функционирование поддерживается пожертвованиями посетителей, а здания музеев администрация города передала в собственность хозяевам ресторанов, которые имеются в каждом подворье. Зарплату получает один сотрудник, хранитель-экскурсовод (как методист ГАУК «РЦРКОО министерства культуры и внешних связей Оренбургской области»). Экспонаты дома-музея собраны населением Оренбурга и области. В лучшем состоянии находятся те коллекции, которые поддерживают министерства культуры соседних государств, русская культура не имеет такой поддержки. Хозяином всего русского подворья зимой неоднократно отключались вода и отопление (а в 2018–2019 гг. русский ресторан находился в кризисном управлении, и найти хозяина было трудно). Эти факторы определяют воспитательный и любой иной результат.

С утратой смысловой (идеологической) составляющей, которая была обязательной в советском клубном и парковом учреждении, система организации просветительской, развлекательной и досуговой работы с населением в подобных учреждениях выигрывает лишь при организации массовых региональных, городских и областных мероприятий, на которые выделяются средства из бюджета. При этом на больших городских пространствах сходятся «социальные атомы» — самая разнообразная публика, образующая *массу*, разрушающее действие которой в свое время получило мощную критику наших европейских коллег. Плюсом такого мероприятия в Оренбурге является денежное вливание. Минусом — стандартизация (омассовление) формы, где фото- и техническое оснащение, фото- и видеоматериал, современная (западного типа) музыка превалируют, а традиционный материал и живая культмассовая работа минимизированы. При такой организации потребительская позиция публики провоцируется организаторами, воспитательный момент практически отсутствует. Массовая форма культуры в случайном действе людей-атомов допускает манипуляцию публикой, опирается на пассивность её участия. Толерантность в этом случае становится универсальной установкой на потребление, а потре-

битель превращен в «покупателя». Мощными «агентами воздействия» на формирующееся сознание молодого поколения стали современные торгово-развлекательные комплексы. То, что в советский период реализовывал советский сельский и городской клуб, сегодня полностью отдано «на откуп» коммерческим структурам, торговым центрам, закрытым клубам. Творческая самореализация сегодня также оценена и «покупается». Основной акцент государственной поддержки сделан не на равных, а на «лучших», выдающихся, успешных. Государство поддерживает этот процесс. Лучшим — лучшее, остальным — остальное. Такой подход при организации развлекательных мероприятий подразумевает, что субъектом является группа профессионалов-продавцов, а покупатель-зритель становится объектом манипуляции. Подобная позиция не свойственна сложившейся в советской культуре традиции организационной работы. В русской традиционной культуре и её продолжении в советском культучреждении складывались формы консолидации малых творческих групп и коллективов (города и села, предприятия и учреждения). Они участвовали в подготовке и проведении каждого мероприятия. Социальная структура традиционного праздника также соединяла малые группы, объединения и общественные организации города (села) которые оказывали поддержку и участвовали в его подготовке. Основой массового социокультурного взаимодействия в традиционной культуре был народный праздник. В сельской культуре праздник разворачивался за пределами села, собирая молодежь с посиделок и завалин. «Зимой — посиделки, летом — завалины» — так характеризуют традиционный досуг молодежи в 1950–1970 гг. старожилы села Красногор Саркытского района Оренбургской области Алексей Григорьевич (род. в 1929) и Анна Яковлевна (род. в 1935) Рябиныны [2, с. 20–39]. Современная структура праздничного действия предполагает форму, в которой, с одной стороны, действует профессиональное организационное ядро (которое может раскрываться до системы организаторов, объединяющей ряд профессиональных и полу-

профессиональных коллективов или сжиматься до одного-двух ведущих и оператора технических и масс-медиа-средств); с другой стороны, это масса пассивных зрителей. При этом в руках небольшого количества организаторов может оказаться оснащенный современными техническими средствами мощный инструмент для манипуляции чувствами и настроением собравшихся. Новые, *универсальные*, принципы организации культмассовых форм ориентированы на «всех, здесь и сейчас». Именно так организованы торговые площадки, приспособленные для отдыха горожан, где за определенную плату обеспечивается комплекс услуг по отдыху и развлечениям. Таким образом, в постсоветской культуре системность некоммерческой, свободной организации групп и объединений граждан на базе городских и сельских учреждений культуры и активное государственное участие и в подготовке, и в проведении различных мероприятий утрачивается. Одновременно происходит вытеснение традиционных (групповых, любительских) форм — тех, что сохранялись не только в свободных объединениях по интересам, но и в каждом трудовом коллективе с его общими праздниками, семейными и трудовыми торжествами, кассой взаимопомощи и другими подобными формами организации общественной жизни. Новая структура социокультурного взаимодействия складывается в системе «хозяин — подчиненные». В этом случае тоже возможна определенная гармония, складывающаяся на традиционном русском понимании общественной организации: хозяин семьи — домочадцы-подчиненные. Однако чаще мы наблюдаем жесткую, «домостроевскую» форму такого взаимодействия, сложившуюся в XVII столетии, в период кризиса русских традиционных семейных ценностей в новой русской культуре московского типа. Позитивный пример инициативы и творчества в этом направлении не является массовым и его невозможно тиражировать. Так, в 2014 году в Оренбурге на основе инициативы молодых людей, *заряженных* идеей сохранения русской истории, была создана оренбургская региональная общественная организация по возрождению славянской культу-

ры «Пересвет». В ней удачно соединились инициатива и духовный заряд лидеров, традиционные народные инструменты и организационные формы советского типа с поддержкой со стороны производственной структуры, которой владел один из духовных лидеров системы. К 2019 г. вокруг инициативного ядра сложились различные подсистемы, действующие в большей степени на общественном основании при условии знания форм и принципов коммерческой организации в современных российских условиях. Умение действовать в коммерческих условиях дополнялось харизмой и авторитетом лидеров и позволяло реализовывать их замыслы. Функционирование такой системы можно соотнести со структурой и формой организации европейских религиозных орденов. В них органика *духовного горения* (в нашем варианте — любительства и душевной привязанности, свойственные народной традиции) соединялась с механикой, институцией, организующей производство. В такой конструкции духовный заряд лидеров поддерживается активом (в народной традиции — теми, кто предан идее, в восточном типе культуры — преданными, подданными). Вне лидерства подобная форма несостоятельна. Выделяя подобную организацию, можно отметить её эксклюзивность (культура европейских религиозных орденов также не была массовым явлением). В советской практике просветительской и досугово-развлекательной работы, организованной при государственных (производственных) и общественных (поддержанных государством) системах, действовала подобная схема. Она срабатывала в рамках небольших производств и заводских клубов, не имеющих собственного помещения. В культуре советского типа практически все небольшие предприятия имели подобные *клубы*. Лидеры-организаторы любительства и коллективов художественной самодеятельности получали зарплату в профсоюзной организации предприятия, на которой лежала обязанность субсидировать все мероприятия, подготовленные лидерами, активом и участниками коллективов. В этом случае большая часть социокультурной организации принадлежала

не формальным структурам клубных учреждений, а органике душевных связей и свободной самодеятельности. Лидеры, инициаторы (как правило — руководители производств и ведомств) организовывали работу в красных уголках заводских общежитий, актовых залах и других свободных площадках, а производственная структура оказывала этой самодеятельности помощь и поддержку. В этом случае функционировала структура: производственная подсистема (профсоюзная организация, цех), являющаяся коллективным субъектом, организующим культмассовую работу (и в ней — лидеры первого уровня); руководители коллективов и объединений (лидеры второго уровня); актив творческих коллективов (третий уровень); участники и исполнители. В таком случае особую роль приобретает лидер первого или второго уровня, имеющий поддержку производственной подсистемы, знающий свою культуру, любящий её, способный её интерпретировать. Позитив достигался, когда духовное горение и творчество лидера и группы имело поддержку производства, но не побеждалось прирастающей из этого материальной выгодой. Однако вне необходимой, достаточной для функционирования этой структуры материальной базы такая форма (как некое ядро просветительской и культмассовой работы) нежизнеспособна.

В советской истории можно выделить период, когда духовное горение (органика и харизма) достаточно успешно заменялось административными акциями (организацией). Так в 1920–1950-х гг. традиционная организация сельской молодежи, которая составляла основную часть молодого населения России, вокруг «посиденок и завалин» была заменена коллективным, организованным отдыхом в клубном учреждении. Эта система успешно функционировала в течение всего советского периода, однако с крушением культуры советского типа и разрушением системы клубных учреждений практически все эти формы организации отдыха молодежи стали частью коммерческих структур. Клубы закрывались и разрушались, небольшие ставки работников культуры сокращались. Субсидирование этой работы на селе было

передано в ведение сельских администраций. Здания клубов и Домов культуры, потеряв государственную поддержку, были проданы. В завершение этого разрушительного процесса сохранившаяся на повседневном уровне народная традиция организации досуга и отдыха пережила второй удар — ей было предложено перейти в торговые центры и стать элементом купли-продажи. Эти процессы дополнялись некритическим заимствованием западных практик организации работы в области досуга и отдыха. Это можно определить как двойную ломку русского традиционного культурного кода: во-первых, разрушалась основа самодеятельного объединения (его общедоступность, творчество, некоммерческая природа), для чего в советской культуре предоставлялась площадка для действия; во-вторых, исчезали сами учреждения культуры советского типа. Эти действия на рубеже XX–XXI вв. заставили население вернуться к домашнему отдыху, а разрушение производственной системы сел и малых городов, перестройка систем образования и традиционного воспитания заставило молодое население уезжать в большие города. Это усилило процесс урбанизации. Во время наших экспедиций в 2014–2016 гг. мы видели такие разрушенные села, где в хорошо обустроенных молодыми семьями домах — с отоплением, ванной, теплым туалетом, со спутниковой тарелкой во дворе — остались престарелые родители, которые сокрушаются о своем, деревянном доме возле реки, с садом и огородом. Городской досуг молодежи в постсоветский период сосредоточился в неформальных маргинальных и криминальных системах, вариантах волонтерства, а также в приобщении к чужой активности, вынесенной в публичную сферу (например, погружение в TV-программы, где основа — пассивное разглядывание чужой жизни). Это не содействует формированию творческой активности и гражданской культуры, работает на разрушение традиционного основания бытия. Нежизнеспособными выглядят все попытки переложить воспитательные усилия на учебные учреждения и коммерческие структуры.

Декларируемое государством формирование гражданской позиции на основе

частных инициатив вне государственной поддержки малопродуктивно. При этом ряд принципов и форм коммерческой организации любительства и отдыха в большом городе, в хорошо урбанизированной и оснащенной техническими достижениями среде, достаточно успешно реализуется, но в малых городах России картина иная. В них отсутствует должная техническая оснастка музейных и парковых учреждений, снижена платежеспособность населения, нет притока творческой элиты и коллективов, способных часть своей работы провести на благотворительной основе (как это бывает в столичных городах). Проблемой становится отсутствие уродителей возможности постоянно оплачивать занятия своих детей в коммерческих художественных коллективах. Постановка и реализация каких-либо воспитательных задач, в том числе и в направлении формирования гражданской культуры и гражданской позиции молодежи, при отсутствии культурных площадок для общедоступного, свободного, творческого самовыражения молодежи, которые в традиционной культуре предоставляла сельская улица, а в советской культуре — клубное учреждение, затруднена. Уход из системы образования и воспитания работников клубных учреждений советского типа (идеологов, организаторов-профессионалов, лидеров досуговой и развлекательной сферы) или перевод их деятельности на коммерческие рельсы порождает стихийные практики неформальной организации молодежи. Если у *зацеперов*, объединенных рискованной и смертельной практикой, складываются устойчивые группы (объединенные кровью), то движение волонтеров, как особая самостоятельная культура, не заменяет традиционных для России форм любительства и самостоятельности, так как включает определенную коммерциализацию (в ряде случаев оплачивается) и имеет чуждую для традиционной культуры основу. Это в одном случае привлекает тех, кто ищет формы, помогающие выделиться и заработать некие «кредиты на будущее»; в другом — позволяет заполнить свое свободное время; в третьем — связывается с будущей профессией. Все это не тождественно утраченным формам

традиционного свободного и бесплатного творческого участия в коллективах и объединениях по интересам в сельском или районном клубе.

Эклектика, отсутствие внятного кода массовых организационных форм, отсутствие больших философских идей и политических установок в организации досуговой и развлекательной сферы (а надо вспомнить, что каждый советский работник клубного учреждения работал на идеологию и пропаганду ведущих идей государства) не работает на формирование гражданской позиции молодежи. Экономист, торговец, сидящий там, где должен сидеть вождь, идеолог, не решают, а усугубляют проблему. Необходимо возрождение культурных инструментов, уже опробованных в российской культурной традиции и не чуждых народной культуре. Мы постоянно говорим о возрождении России, и в нашем случае применим рецепт, выявленный П. М. Бицилли в его анализе европейского Возрождения: «Секрет „возрождения“ — в умении найти не *новое*, но *вечное* в *любой* ценности. Но именно это-то и *надо уметь*. Иначе и Иисус Христос окажется „первым санкюлотом“ или „еще не вполне сознательным пролетарием“, и из Нагорной Проповеди можно будет вычитать апологию „государственного принуждения“ при помощи кнута и виселицы (и вычитывают) ... *Обилие* ценностей помехой служить не может. Надо понять, что „круговорот истории“ вовсе не сводится к периодическим возвратам к разбитому корыту. Ценности постоянно, в процессе движения жизни во времени, *накапливаются*. У нас *больше* ценностей, чем их было у св. Франциска, у Геродота или Гомера. И никакой беды в этом нет. От большинства этих ценностей мы освободиться не можем, и этого нам и не нужно. Эклектизм („историзм“) обуславливается не объективным влиянием, не „обстановкой“: он — в нас самих. При величайшей пестроты, при величайшем многообразии „ценностей“ возможна целостная культура — если только есть *единство в душе*. Тогда ценности сами собою слагаются в гармоническое целое, сливаются в *одну* ценность. И это есть *возрождение культуры*» [1, с. 198–199].

Tatyana Yu. SKOPINTSEVA

The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People

Abstract. The article presents a cultural review of the status of the system that forms civic attitudes in young people in the post-soviet period. The author regards civic attitudes as a part of Russian culture based on the peasant-type Russian culture and the basic part of activities on building civic culture and attitudes in young people as an important element of regular practices developed beyond official formalized state structures. The civic subculture develops during the course of a lifetime. Its code is preserved in the mentality, life ways, behavior stereotypes. The system of citizen-state interactions emerged in the conditions of the west-and-east culture frontiers. This feature facilitated the development of an original cultural personality type. The peoples, part of Russian culture, adopted this type. The necessity to be always ready for defense urged to develop objectives and principles of life that aimed to preserve spiritual bases rather than to achieve stable well-being, profit, to build a home-fortress, which is inherent in the western type of culture. The content of the spiritual bases was outlined in super-senses expressed in metaphors "Mother Earth", "Holy Russia" or "Russian World". In Soviet Russia, these principles were developed in activities of organizations of culture with traditional bases supplemented by the ideology of the Soviet state. In the 1990s, the system of forming the civic culture developed in the soviet period was subjected to destruction: all soviet-type organizations of culture were mostly eliminated, those remaining were commercialized while professionals who graduated from universities of culture were retrained for commercial activities. Nowadays, numbers in the reports of culture ministries and departments and of education systems demonstrate the growth of participants in artistic groups and teams, but they do not show the sociocultural nature of statistic numbers, that is, the constancy and continuity of activities in free, available-for-all artistic groups and teams is substituted by one-time and random visits of commercial organizations. The exclusivity of individual groups and teams that work based on the folk tradition and the civic attitudes it preserves cannot replace the education system that forms civic attitudes of the Soviet type. The conclusion is the following: the ideas and principles of the development of civic attitudes in young people are now being formed, which requires attention from the state and serious work of experts in the preservation of the traditional basis of the Russian-type folk culture (which is the basis of Russia's state culture).

Keywords: Russian folk culture, Russian culture, civic culture, culture of everyday life, folk tradition, forms and principles of preserving culture, specific character of Russian and Russia type of culture, Soviet type of culture, cultural heritage.

Использованная литература:

1. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996.
2. Борщевская, А.В. Дружно, ребята, в поход собирайтесь. Традиционный фольклор Саракташского района Оренбургской области: сб. Оренбург: Экспресс-Печать, 2019.
3. Лотман Ю. М. Люди и чины // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века): СПб: Искусство-СПб. 1994. С. 11-31
4. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков: В 4 т. Т. 4: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. Царь Максимилиан. Добавления. Собр. А. И. Мякутин. Оренбург: Типо-литография К. Биркенфельда, 1910.
5. Савельева Н. М. Запоем-кася, братцы, песню новую. Народные песни и наигрыши Оренбургской области. М.: Современная музыка, 2018.

References:

1. Bitsilli, P.M. (1996) *Mesto Rennessansa v istorii kul'tury* [The place of the Renaissance in the history of culture]. St. Petersburg: Mifril.
2. Borshchevskaya, A.V. & Skopintseva, T.Yu. (2019) *Druzhno, rebyata, v pokhod sobiraytes'. Traditsionnyy fol'klor Saraktashskogo rayona Orenburgskoy oblasti: sbornik* [Guys, go pack for camping. Traditional folklore of the Saraktash district of Orenburg Oblast: A collection]. Orenburg: Ekspress-Pechat'.
3. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 11-31.
4. Myakutin, A.I. (1910) *Pesni orenburgskikh kazakov* [Songs of the Orenburg Cossacks]. Vol. 4. Orenburg: Tipolitografiya K. Birkenfel'da.

5. Savel'eva, N.M. (2018) *Zapom-kasya, brattsy, pesnyu novuyu. Narodnye pesni i naigryshi Orenburgskoy oblasti* [Brothers, let's sing a new song. Folk songs and tunes of Orenburg Oblast]. Moscow: Sovremennaya muzyka.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Скопинцева Т. Ю. Культурное наследие регионов России и проблемы формирования гражданской культуры молодежи [Электронный ресурс] / Т. Ю. Скопинцева // *Наследие веков*. – 2019. – № 3. – С. 13–28. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Skopintseva, T. Yu. (2019) The Cultural Heritage of Southern Russia's Regions and Problems of Developing Civic Culture in Young People. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 13–28. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.001